

РЕЦЕНЗИИ

Дмитриева Т. Н. Топонимия бассейна реки Казым / Т. Н. Дмитриева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — 580 с.

Рецензируемая монография Т. Н. Дмитриевой — это монументальное исследование топонимии сибирских хантов бассейна реки Казым. По глубине проникновения в предмет, количеству использованных источников (с. 546–570), тщательности анализа и объему проделанной работы данное исследование — одно из лучших, посвященных сибирскому автохтонному этносу.

Книга состоит из Предисловия, пяти Разделов (Раздел 1. Введение; Раздел 2. Структура хантыйских топонимов; Раздел 3. Детерминанты сложных топонимов: семантика и функционирование; Раздел 4. Атрибутивная часть топонимов: природа и человек в зеркале хантыйской топонимии Казыма; Раздел 5. Лингвоэтнические контакты на Казыме и их отражение в топонимии), Заключения и Приложений.

То, что пронизывает содержание всей книги, — это любовь и уважение автора к изучаемой территории и народу, ее населяющему, а также обеспокоенность исчезновением многих микротопонимов Среднего и Нижнего Приобья. В последние десятилетия места традиционного проживания хантов и других коренных народов Среднего и Нижнего Приобья стали районами, где происходит разработка нефтяных и газовых месторождений, строятся и эксплуатируются многочисленные ветки трубопроводов, что ведет к забвению местных топонимов, особенно микротопонимов. Именно это, в первую очередь, и определяет ценность исследования: сбор и научная обработка исчезающих фактов национальной культуры.

В начале монографии Т. Н. Дмитриева определяет цели и задачи исследования, среди первых главной считается комплексное структурно-семантическое, историко-лингвистическое и историко-культурное описание топонимии бассейна реки Казым. Само исследование базируется на полевых материалах (общее число анализируемых топонимов — около 2 500), а также картографических и письменных источниках.

После первых частей Раздела 1 («Физико-географическая характеристика бассейна реки Казым; краткий очерк истории Казымского края, этническая ситуация в регионе») размещен очерк по истории изучения бассейна реки Казым, который оказался для рецензента наиболее близким, так как речь в нем идет, в том числе, и о картах. Мне хотелось бы упомянуть не отмеченную в книге карту А. Вида (1542), на которой можно прочесть названия народов, размещенных между Северной Двиной и Обью. Это *Ivhri* (с легендой, которая связывает их с венграми), *Abdori*, *Kondori*, *Vahulicz*. Их частично повторил на своей карте С. Герберштейн (1549). На карте А. Дженкинсона (1562)

отмечены племенные объединения *Condora*, *Obdora*, *Ioughoria*, *Permia* (между Северной Двиной и территорией к востоку от нижнего течения р. Обь) и *Samoyeda* (чуть южнее, на все расстояние и крупными буквами). На этнографической карте 1673 г., сделанной неизвестным картографом и скопированной С. У. Ремезовым в конце XVII в., есть *Пестроїѣ Ёрды ѿстаковѣ* в городе Сургуте. Полезными источниками информации могли бы послужить также карты Н. Витсена (1687) и Ф. Страленберга (1730).

Для языков, просуществовавших тысячелетия в устной форме и получивших письменность относительно недавно, крайне необходимым оказывается подраздел, описывающий фонетику, а также транскрипцию и транслитерацию топонимов (с. 44–50). Раздел 2 (с. 60–92) посвящен структурным типам и моделям хантыйских топонимов Казыма, в который также включены части речи в составе топонимов, и проанализирован обширный сравнительно-сопоставительный материал, базирующийся на иных языках и регионах.

В Разделе 3 (с. 93–152) последовательно проводится разграничение терминов, служащих для обозначения природных объектов, с одной стороны, и культурных — с другой. При чтении данного раздела складывается впечатление, что сам диалект и его топонимическое пространство существовали как замкнутые системы, не допускавшие в свою географическую номенклатуру большого количества заимствований (здесь, вероятно, нужно исключить наличие многочисленных примеров субстратной топонимии). Все термины описаны с невероятной тщательностью, богато проиллюстрированы. Приходится сожалеть лишь о том, что для описываемой терминологии отсутствует общий финно-угорский фон. Без него можно предположить тюркское происхождение *keras*, *m̐w̐eŋ*, *p̐el̐ak*, *s̐ört*. Интересны были бы языковые связи хант. *ac* (*äs*, *ās*, *ās̐*, *öäs* у манси), которое встречается в названиях больших и удаленных рек (с. 94) и относительно изолировано в языке. С учетом этого хант. *ac* можно сравнить с др.-тюрк. *ögüz* ‘река’, которое тюрки использовали и для наименования больших рек, например реки Ганг (*Gang̐ ögüz*) с типичным выпадением интервокального согласного. Слово в форме *Öön* встречается в словарях Л. Будагова, В. Вербицкого, В. Радлова как обозначение р. Бия в некоторых тюркских языках юга Сибири.

Любопытна и лексема *хэт* ‘дом’ (с. 328), которую можно сопоставить с п.-мо. *xota(n)* ~ *xotu(n)* ‘город’, ‘группа юрт’, ‘стена (городская)’, монг. *хот* ‘город’, ‘хотон, группа юрт’, ‘загон, стойка для скота’, бурят. *хото(н)* ‘загон, стойка, хлев’ (ср. *Хүхэ-Хотон* в Бурятии), калм. *хотн* ‘хотон, село, деревня’, як. *хотон* ‘помещение для скота’, что, несомненно, ведет к перс. *kata* ‘покрытое место, дом’, согд. *kt̐ku* ‘дом’, пашту *kəlai* ‘деревня’, др.-инд. *cātayati* ‘прятать’.

Меңи (с. 189) можно сопоставить с алт. *мөөн* ‘кишка, которая имеет свой конец, свое дно’; тув. *мөөн* ‘глубокое место на реке (затон, омут); глубокая протока с очень медленным течением (или даже совсем без него), соединяющая два озера или озеро с рекой’, что перекликается с др.-тюрк. *bög-* ‘собираться, собирать вместе (о людях); запруживать текущую воду’; ср. также др.-тюрк. *böŋ* ‘полный, толстый’, *böŋ kiši* ‘полный человек’, монг. *бөөн* ‘куча, комок’, кит. [мань] *мәньды* ‘полный’.

Етаң (с. 387) соотносится с каз. *иман* — название рода < араб. *imaat* ‘вера, верование; вероисповедание’.

Обозначение лесного великана *теңк* (с. 388), по-видимому, близко алт. *мөнькү* ‘вечный снег, белки, ледник’, др.-тюрк. *теңгү* (*beŋgü*, *beŋkü*, *beŋü*, *теңи*, *теңкү*, *теңү*) ‘веч-

ность, бесконечность', монг. *мөнх*, калм. *мөнх* 'вечный, вековечный, бессмертный', бурят. *мүнхэ* 'вечный, вековечный', кит. *Бйн* 'лед', *бинхэ* 'ледник', *бинлэнды* 'ледяной'.

Jālaŋ (с. 390) может иметь параллели во многих тюркских языках: *жалаŋ* в топонимии Алтая имеет значение 'голый, открытый' (например, река, лог *Жалаŋаш*, гора *Жалаŋ-Кайа*), а также 'равнина, степь, поле, поляна'; ср. азерб. *јалын* 'обнаженный, голый', башкир. *јалан* 'поле, открытая местность', каз. *жалаŋаш* 'голый; открытая местность; открытое незаросшее озеро', кирг. *жалаŋ*, каракалп. *жалаŋаш*, ног. *јаланъаш* 'голый', тат. *јалан* 'поле, степь, луг; открытая равнина, открытая голая местность', тув. *чанагаши* 'голый, обнаженный по пояс', узб. *јаланг* 'голый', *јаланг ер* 'голая земля (без деревьев, строений и т. п.)', открытая равнина; открытая, голая местность', др.-тюрк. *јalang* 'голый, нагой', кет. *оулан* 'поляна'.

Необъясненное *Иш* в *Иш юхан* (с. 524) легко выводится из алт. *јыш* 'густой хвойный лес; чернь или черновой лес, состоящий из пихты, ели и кедра, подмешанного местами березой и сосной'; алтайская чернь характеризуется также буйной травянистой растительностью из растений, типичных для липовых лесов, среди них большое разнообразие реликтов, в лесах нередко высокогорье. У теленгитов *јыш* — это 'непроходимый лес', 'непроходимая тайга', 'непроходимая поросль', 'заросль', 'джунгли'. Ср. башкир. *йыш* 'частый, густой, плотный', кирг. *жыш* 'густой, сплошной, сплошь', *жыс* 'густой (например, о лесе), сплошной, сплошь', каракалп. *жыс тогъай* '(фольк.) густой лес', тат. *еш* 'частый, густой, плотный', *еш-кынлык* 'густая заросль, лесная чаща, гуща леса', тув. *ыяш* 'дерево; деревянный', 'лес; лесной', *сара ыяш* 'горный лиственный лес', *кара ыяш* 'горный хвойный лес', хак. *чис* 'густой лес; обл. чернь'.

Раздел 4 (с. 153–413) является самым объемным во всей монографии. В нем исследуется атрибутивная часть топонимов в рамках двух концептуальных сфер: «Природа» и «Человек». Уже в самом начале раздела обращает на себя внимание значительное количество имен с географическими терминами, функционирующими как атрибуты, — думается, что ни тюркский, ни монгольский топонимиконы данной особенностью в таком объеме не обладают. Другая характерная черта — очевидное преобладание в атрибутивной части терминов положительных форм рельефа, что вполне согласуется с общечеловеческим восприятием окружающей действительности: верх, а не низ первым притягивает наше внимание. Лексемы, фиксирующие в топонимах местоположение объектов, имеют четкую корреляцию: «северный = нижний» / «южный = верхний»; «правый = обратный» / «левый = находящийся около (с другой стороны, под, сзади, напротив, между и т. п.)».

Примечательно то, что размер объекта у хантов Казыма не получил такой же широкой реализации, как местоположение. У тюрков Южной Сибири именно величина реалии оказывается более притягивающей внимание с точки зрения ее практического использования, а потому и фиксируется в значительном количестве топонимов.

Удивительно мала, в отличие, скажем, от тюркского мира, представленность в именах лексем, обозначающих части тела человека и животных.

Среди цветообозначений, присутствующих в хантыйских топонимах (их 5), нет такого разнообразия, как в тюркской и монгольской географической номенклатуре.

Если сравнить количественную представленность отдельных лексем (хант. *aj* 'маленький' (192), *won* 'большой' (168), *sərət* 'сухой (мелкий)' (35), *waś* 'узкий' (29), *χǽ* 'песчаный' (27), *pal* 'высокий' (21), *nar* 'сырой (негорелый)' (18), *χār* 'чистый (открытый)' (16)

и 'редкий' (7), *nõwi* 'белый' (15), *kew* 'каменный' (16), *piti* 'черный' (10), *xiw* 'длинный' (9), *tal* 'глубокий' (8), *wan* 'короткий' (6) и т. д. (с. 214)) и сопоставить их, скажем, с алтайскими тополексами, то картина обнаружит совершенно иной подход к выбору мотивирующих признаков номинации: у алтайцев это 'черный', 'большой', 'белый', 'верхний', 'нижний', 'желтый', 'красный', 'сухой/пустой', 'синий', 'спаренный/двойной', 'средний' и т. д. (указаны в порядке частотности).

Т. Н. Дмитриева на с. 235 пишет, что в хантыйской топонимии Казыма 35 лексем представляют растительный мир края, причем самым частотным признаком является 'лесной', который реализуется 3 лексемами в 84 наименованиях. Из конкретных деревьев на первом месте находится лиственница, за ней идут береза, кедр, сосна, ель (ср. в Горном Алтае: лиственница, береза, кедр, ель, тополь).

По сравнению со многими другими регионами присутствие 16 названий рыб в географических именах хантов выглядит впечатляющим (с. 242).

Как указывает автор монографии, в составе хантыйских топонимов Казыма выявлено 20 названий птиц, среди которых наиболее частотны названия уток и орла (с. 253), ср. с алтайской топонимией: лебедь, сорока, белоголовый орел, глухарь, горная индейка и т. д.

Интересно наблюдение, касающееся названий птиц и зверей, присутствующих в топонимах: из промысловых птиц представлены все, но из промысловых зверей в географических именах отсутствуют колонок, горностай и заяц, последние два считаются у хантов священными (с. 264).

При анализе лексем, входящих в сферы рыболовства (10), охоты (14), оленеводства (9), автору удалось восстановить термины, не отмеченные в словарях (с. 311).

Развернутое описание посвящено компонентам топонимов, указывающих на сакральность или примечательность называемого объекта. В данной части представлен огромный этнографический материал, занявший 65 страниц (с. 348–413). К нему я бы хотела добавить комментарий, касающийся топонима *Сибирь* (с. 387) и почерпнутый мною из редко цитируемого источника. Это переизданная в 2006 г. книга М. А. Алексеева, в которой приводятся многие из написаний Сибири, например, *Ibir*, *Ibissibur*, *Wissibur* (на картах Азии начала XIII в. так называлась страна между Енисеем и Нижней Тунгуской). Считается, что форма *Sebur* впервые появилась на Каталонской карте 1375 г. Рашид-эд-дин помещает страну *Ибир-Шибир* к северо-востоку от страны киргизов, от которой ее отделяла Ангара. В китайских источниках слово в форме *Shibir* появляется в 1206 г. как название местности. Толкований у *Сибири* бесчисленное количество, в том числе от гуннского племени, чуди, мадьяр, татар и т. д.

Раздел 5 (с. 414–528) освещает лингвоэтнические контакты на Казыме и их отражение в топонимии. Эти контакты существовали между казымскими хантами, с одной стороны, и ненцами, коми, манси, татарами и русскими, с другой. К данному разделу у меня появилось несколько предварительных комментариев. Первый из них — это к статье на *Юильск* (с. 457). Мне кажется, что название р. *Юиль* (различные письменные и устные варианты этой топоосновы) можно сопоставить с *жул/чул* и их вариантами, распространенными в южной части Сибири (*жул*, *чул*, *ул*, *жул*, *сул*), ср. древнеуйгурский *jul-julaq* 'родники и ручьи', тур. *jul*, *juul* 'источник', узб. *чўл*, чув. *сьал* 'родник', чув. диал. *сьала* 'ключ, родник', шор. *чул/жул* 'ручей, горная река', хак. *чул* 'ручей', *чулат* 'ручеек', *юл* (качинский, кызыльский диалекты), *джул/жул* (качинский, сагайский

диалекты). Ср. также тунг.-маньчж. *јулку* ‘полынья’, *јууктэ* (<*ју*- + *-ктэ*) ‘ключ, родник, источник’, эвен. *уул*, *улгин* ‘омут, заводь’, а также *ула*- ‘мочить, намочить’; як. *чөллөрүйү* ‘течь, литься (свободно)’. Для слова можно найти параллели и в индоевропейской языковой среде. То же касается *Чуиль* (*Чуели*) (с. 459).

С невообразимой старательностью и уважением к источникам оформлены все приложения к монографии: Приложение 1. Священные и примечательные места казымских хантов (карта и ее описание); Приложение 2. Список источников и цитируемой литературы (с указанием сокращений), а в нем 1. Карты (XVI–XVIII вв.), (XIX в.), (XX в.). Здесь 81 источник. А далее — сельскохозяйственные карты (12 единиц), топографические карты (33 единицы). За ними следуют 2. Архивные документы; 3. Цитируемая литература (с. 546–570), три страницы из которых занимают источники на иностранных языках). Приложение 3 — это список информантов по населенным пунктам, Приложение 4 — указатель сокращений.

В заключение могу сказать, что монография Т. Н. Дмитриевой написана на огромном фактическом материале с необыкновенно глубоким проникновением в сам предмет, скрупулезностью и тщательностью истинного ученого. Думаю, что на долгие годы вперед книга Т. Н. Дмитриевой «Топонимия бассейна реки Казым» останется достойным примером для современных и будущих топонимистов.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западных путешественников и писателей XIII–XVII вв. Новосибирск, 2006.

Древнетюркский словарь. Л., 1967.

Кошғарий Махмуд. Девонұ лұғотит турк. Т. 3. Тошкент, 1963.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Bailey H. W. Languages of the Saka. Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. IV, Iranistic, Abschnitt 1, Linguistik. Leiden-Köln, 1958.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Jöschke H. A. A Tibetan-English Dictionary. London, 1881.

Molchanova O. From Words to Altai Place-Names (Topography Cognition and Semantics). Szczecin, 2007.

Pulleyblank E. G. Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China. Ashgate, 2002.

Sinor D. Yul. Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica 28:7. Helsinki, 1964.

О. Т. Молчанова

Рукопись поступила в редакцию 06.10.2010 г.